НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

А.П. Давыдов. Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012. – 644 с.

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Новая монография А.П. Давыдова «Неполитический либерализм в России» вызывает интерес, во-первых, самим фактом своего появления. Ведь автор хорошо известен своими предыдущими исследованиями по истории отечественной культуры, обратившими на себя внимание оригинальной методологией исследования и яркостью, убедительностью авторского анализа творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В.Гоголя[1], а во-вторых, непривычностью названия. Согласитесь, понятие «неполитический либерализм» звучит в наше, крайне политизированное, время несколько необычно. Невольно возникает вопрос: не есть ли это придуманный автором неологизм? Но первые же страницы книги убеждают – нет. За понятием скрывается суть заявленного подхода к анализу литературных образов, художественного творчества, истории становления и развития отечественной литературы. И подход, и реализованный в соответствии с его методологическими принципами анализ далеки от политической ангажированности и одновременно сущностно связаны с главной идеей одного из самых значительных политических течений XIX и XX вв. – с *либеральной идеей самоценности свободы и достоинства личности*.

Для автора, как он предупреждает в предисловии, понятие «личность» выражает, прежде всего, способность человека к свободе, а в применении к отечественной духовной культуре – к творчеству ее выдающихся представителей, к их стремлению «к независимости от всех исторически сложившихся в России социальных ролей и смыслов»[2], квалифицируемых им как архаичные. И в этом смысле объект внимания автора – протестная личность – это не просто литературный тип, занимающий заметное место в отечественной художественной литературе, начиная с XVIII в., а *знаковый образ русской культуры*, свидетельство ее внутренней, органичной связи с высшей либеральной ценностью – признанием права человека на самовыражение в поступке, свободном от политического диктата, архаических установок и сложившихся культурных стереотипов. «Протестная личность», вошедшая в ткань русской культуры и поднятая до уровня социального типа в творчестве Пушкина и Лермонтова, есть, считает Давыдов, свидетельство способности литературы, культуры и общества к самообновлению, соразмерному принятию либеральных идей и ценностей в качестве принципов социальной жизни. В этом суть «и протестного смысла личности, и либеральной идеи в России, и либерализма русских писателей»[3]. Во всяком случае, именно этот ее смысл (способность выйти за рамки архаики и задать масштаб критики российского

исторического опыта) и соотносящаяся с ней идея свободы пронизывает ставшие классикой произведения Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова, а в XX в. – Булгакова, Пастернака, Шолохова. Такова исследовательская позиция автора.

Эта позиция объясняет и цель книги Давыдова, и кажущийся на первый взгляд парадоксальным заголовок предисловия – «Русские писатели против русской культуры», и предупреждение о направленности предпринятого анализа. «Эта книга, – пишет Давыдов, – о смысле личности в русской культуре. И об архаичности соборно-авторитарных оснований этой культуры, которые противостоят личности. Она – о расколе между культурной статикой и социальной динамикой, между свободой и несвободой. О мышлении писателей, анализирующих логику этого раскола. О том, как образ личности и идея свободы впервые появились в России на страницах художественных произведений. И как этот образ и эта идея представлены в нашей литературе сегодня»[4].

На мой взгляд, суть заявленного подхода можно сформулировать как раскрытие *историософских смыслов бытия* (добро/зло, земное/небесное, жизнь/смерть, свобода/рабство) в русской культуре средствами *социокультурного анализа (обобщения).* Важно иметь это в виду, знакомясь с исследованием Давыдова. Ниже я вернусь еще к этой черте авторского анализа, а сейчас отмечу также, что именно она сделала исследовательские поиски и предпринятый автором анализ в высшей степени аутентичными отечественному духовному наследию. А это далеко не всегда удается литературоведам и культурологам из-за неспособности или нежелания увидеть смыслы и символы русской культуры глазами философа, т.е. в их связи с идеей свободной личности. Но именно ими, сближающими порой до неразличимости русскую литературу и поэзию с философией, наполнена русская культура.

Исследование Давыдова я считаю в максимальной степени приближенным к философскому дискурсу, осуществленному в рамках более философии *культуры*, нежели культурологии[5]. В рамках первой культурный процесс, в том числе сам акт художественного творчества, всегда выражает значимые гуманистические смыслы, и потому за ним стоят определенные типы социального поведения (протест/приспособленчество, борьба/уход, социальный вызов/конформизм), предлагаемые обществом и выбираемые человеком в качестве способов включения в социальную реальность. Данная традиция, если говорить об отечественной философии XX века, уходит своими корнями в проблематику человека и человеческой деятельности; она разрабатывалась с середины 60-х годов Г.С. Батищевым, Ю.Н. Давыдовым, Н.С. Злобиным, Э.С. Маркаряном, В.М. Межуевым[6]. Но в рамках названного подхода Давыдов фиксирует и реализует ее новые исследовательские возможности, новые способы анализа культурных реалий. Сам он формулирует свою позицию, обозначая границы новизны в рамках выбранной методологии, следующим образом: «Методология, которую я применяю, не первая в своем роде. В истории России были две попытки создания методологии социокультурного анализа – обе, на мой взгляд, неудачные. Интерпретаторы российской реальности пытались анализировать человека, опираясь на смыслы то Бога, то народа как на культурные основания. А смысла личности как альтернативы «Богу» и «народу» они не знали. Либо, зная, не поднимали его значимость на уровень нового основа-

ния русской культуры»[7]. Давыдов, предлагая свою методологию, называет ее *личностной*.

Результатом актуализации связи культурных смыслов с идеей личности и философской рефлексией, определившей методологическое основание «социокультурного анализа» Давыдова, стало предложенное им прочтение классики, новая интерпретация привычных, установившихся в качестве канонов, социальных характеристик художественного творчества, и в этой связи социальной роли писателя в XIX веке и в наше время. (Вторая часть монографии имеет название «Современные писатели: Виктор Пелевин, Владимир Маканин, Виктор Ерофеев».) «Можно сказать, – предупреждает Давыдов в предисловии, – что русский писатель, ангажированный идеей личности, предстает в моей книге как коллективный аналитик русской культуры, как своего рода совокупный российский Библеист, протестующий против архаике в себе, «определенным образом желающий свободы» и анализирующий свой путь к ней»[8]. Добавлю: можно сказать, что в книге Давыдова русский писатель предстает как «больше, чем писатель», а русской художественной литературе отводится особая миссия – сохранение через создаваемые художественные образы и социальные типы связи с либеральной идеей свободы. (Давыдов анализирует не весь опыт русской литературы, а лишь тот, который, по его мнению, внес существенный вклад в развитие неполитического либерализма.) Книга Давыдова – это книга о либерализме русских писателей и о том, что идея «liberalis» не только не была чужда русской культуре, хотя входила в нее чаще всего на диссидентских правах, но всегда выражала ее главный социальный пафос. Это все и объясняет название книги – *«Неполитический либерализм в России»*. Именно в этой «неполитической форме», т.е. через литературу, поэзию, искусство, либерализм, как общественно-политическое движение, завоевывал свои права на жизнь в российском обществе.

Содержание книги, таким образом, свидетельствует не только о «правомерности» введенного автором понятия, но и о его особом статусе (знаковости) в отечественной культуре. И, что не менее важно, роли последней в укреплении позиций либерализма как политической доктрины. Давыдов бесспорно прав в своем выводе: «История последних веков в русской культуре – это история поиска в России личности и, следовательно, борьбы неполитического либерализма за выживание. За утверждение себя в качестве альтернативной культурной нормы, *без чего либерализм политический обречен оставаться культурно беспочвенным*» (курсив мой. – *И. С.*)[9]. К сожалению, сами политические деятели от либерализма, как показывает наш постсоветский опыт, этого не понимают в должной мере.

Монография включает два раздела и шесть глав. Их имеет смысл перечислить: названия достаточно репрезентативны не только по содержанию, но и исследовательским установкам автора, о которых шла речь выше.

Часть I. Писатели XIX века: Пушкин, Лермонтов, Гоголь.

Гл. I. Пушкин и становление срединной культуры в России.

Гл. II. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России.

Гл. III. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа.

Часть II. Современные писатели: Виктор Пелевин, Владимир Маканин, Виктор Ерофеев.

Гл. IV. Лермонтовский ренессанс в анализе русской культуры. Размышления о романе Виктора Ерофеева «Энциклопедия русской души».

Гл. V. Между мистикой и RATIO. Проблема изменения типа русской культуры в произведениях Виктора Пелевина.

Гл. VI. Раскол в культуре... и слабый луч надежды. Отвечая на вопрос Владимира Маканина.

Свой анализ Давыдов начинает с обращения к творчеству А.С. Пушкина, считая, что именно с него начинается новая культурная эпоха России. Включенные в ее ткань ценности свидетельствуют о становлении *срединной культуры.* На понятии срединной культуры, заимствованном Давыдовым у Бердяева и ставшем ключевым для его исследования, следует остановиться отдельно.

Главная характеристика срединной культуры – это способность отпадать от абсолютизации любого сложившегося стереотипа. «Это культура, полученная в результате преодоления дуальности в культуре через поиск новой меры снятия ее полюсов в осмысляемом предмете посредством творческого наращивания нового содержания культуры», – такое определение срединой культуры дал Давыдов еще в первом своем исследовании[10]. Срединная культура связана с утверждением через творчество нового содержания между сложившимися смыслами («есть бог» и «нет бога», «зло сильнее добра» и «добро сильнее зла» и т.п.), со способностью культуры развиваться по «срединному вектору». Если говорить о художественном творчестве, с этой способностью связано не просто введение противоречий, а осознание необходимости *меры их преодоления*, неприятие абсолютизации сложившихся культурных стереотипов. Логика пушкинского творчества, считает Давыдов, полностью соответствует этому вектору. Он это прекрасно демонстрирует обращаясь к социокультурному анализу «Кавказского пленника», «Каменного гостя», «Пира во время чумы», «Бориса Годунова», выбирая разные смысловые поля оппозиций «плен – свобода», «любовь – предательство», «истина – обман», «смысл – бессмысленность», «счастье – несчастье», «жизнь – смерть»[11]. Мерой любви, свободы, внутреннего согласия с собой любого поступка героя (пленника, черкешенки, Дона Гуана, Григория Отрепьева, Бориса Годунова) для Пушкина является способность героя в своих действиях и принятых решениях выйти за рамки собственных и принятых обществом норм, *способность на протест* – внутренний (против самого себя, являющийся человеку «в муках совести») или действенный, направленный во вне – неважно. Главное, осознание себя *личностью,* правда, это еще не является гарантией порядочности, оправданием жестокости и преступных действий.

Поэтому каждый образ, созданный поэтическим воображением поэта или воссозданный на основе документальных исторических фактов, «двоится»: Борис и грозен и жалок, Отрепьев – одновременно Лжедмитрий и Антилжедмитрий. Давыдов убедительно показывает, что борьба за трон и одновременное равнодушие к этой борьбе есть фокус, вокруг которого разворачивается драма конфликта между борисоподобным Григорием-Лжедмитрием («Тень Грозного меня усыновила») и диссидентсвующим Григорием-Антилжедмитрием. Какой смысл вложил Пушкин в противостояние этих образов, которые для него были *социальными типами*? Давыдов называет их «самозванчество» и «самозванство». Последнее, как крик протеста против засилья архаики, есть тот образ, который связывается Пушкиным с новыми – *европейскими социальными нормами*: Григорию нужен личный успех, общественное признание, он «культурно амбициозен». Он хочет не столько

власти, сколько славы, погоня за которой в Европе к этому времени стала нормой. И потому, убеждает Давыдов, образ Григория – это образ «русского европейца», вместе с сопровождающими его в российских условиях плюсами и минусами. «Это был вызов русскому способу жить, русскости как таковой»[12]. Его двойственность обусловлена правдой исторического сюжета, которой следовал Пушкин, и признанием поэтом тех ценностных смыслов, которые отражали культурные, а точнее, цивилизационные реалии его времени. И с этим выводом Давыдова трудно не согласиться. Бесспорно, за противостоянием Григория Отрепьева и Бориса Годунова стоят Пушкин, в котором «наше все», и российская культура XIX в., «застрявшая» (и по сей день пребывающая в этом неудобном положении) в том окне, которое для нее прорубил Петр I. Во всяком случае, для сегодняшнего читателя, мне кажется, это противостояние воспринимается в *таком* смысловом контексте. В этом случае главный герой «Бориса Годунова» – это сам Пушкин (им же он является в «Кавказском пленнике», «Каменном госте», «Евгении Онегине») внутри своего времени, с теми проблемами, которые ставило, ставит и будет ставить развитие истории, ее движение от старого к новому, от архаики к модерну.

Я сознательно остановилась именно на первой главе рецензируемого исследования. В этом же методологическом ключе социокультурного анализа, ядром которого является понятие личности, исследуется творчество Лермонтова (вторая глава монографии), которому автор отводит особое место в отечественной литературе. Лермонтов вводит в нее тот обобщающий образ русского человека эпохи модернизации, который Давыдов называет *образом социальной патологии*[13]. Его он включает в свой анализ через ряд методологических сопоставлений Лермонтова с Пушкиным, Гоголем, Гончаровым, Тургеневым, Л. Толстым, Достоевским, Чеховым, Булгаковым и далее до творчества современных писателей, рассмотрению которого отводит вторую часть исследования. Для Лермонтова внутренний конфликт героев («Герой нашего времени», «Демон») – это конфликт между способностью быть личностью и нацеленностью на то, чтобы эту способность разрушать. Лермонтовский анализ этого феномена, по мнению Давыдова, стал открытием, дающим ключ к пониманию русской культуры. «После “Героя” в русской художественной литературе развернулась и стала нарастать критика российской архаики, начался процесс переосмысления сложившихся оценок русскости. По этому пути пошли Гончаров, Тургенев, Достоевский, литература, формировавшаяся под влиянием творчества Достоевского, Чехова, Булгакова, Пастернака и чеховская традиция в русской литературе»[14]. Это, конечно, так, если говорить о традиции переосмысления сложившихся оценок. Но если говорить о социальной природе «болезни Печорина», открытие которой и легло, якобы, в основание традиции, то я не могу полностью согласиться с авторской ее характеристикой, будто Печорин – это «клиническая картина эмоционально-рефлективного культурного синтеза, в результате которого ничего, кроме конфуза не получилось. Появилась искалеченная, застрявшая, уродливая личность, которая уже не хочет только глубоко чувствовать, но еще не способна глубоко анализировать»[15]. Мне эта характеристика представляется той крайностью, против которой выступает сам автор как защитник принципов социокультурного анализа. Я это говорю не «по зову сердца», как когда-то, как и у многих моих современников, завороженных «байронизмом» образа Печорина, а исходя из вполне рационалистических

соображений: раздвоенность сознания, раздвоенность личности при очевидности в ряде (и даже большинстве) случаев «клинической картины» есть показатель как раз склонности к рефлексии, платой за которую для человека становится непонимание окружающих и разного рода «конфузы». Может, фиксируемая авторским анализом социальная патология есть в каком-то смысле здоровая норма поведения? Тот самый способ не потерять себя, без которого невозможно существование личности, да и национальной культуры в виде художественного творчества? Я повторю то, о чем уже писала раньше, сразу после выхода книги о Лермонтове[16]: в трактовке Давыдовым образа Печорина мне важнее вывод о том, что герой Лермонтова, как позднее Обломов Гончарова, Рудин Тургенева, герои Достоевского, персонажи Чехова и еще многие другие – это образы, появившиеся на том историческом этапе российской культуры, когда отчаяние личности перешло в отчаяние общества от осознания внутренней катастрофы.

Подводя итог, отмечу следующее. Книга А.П. Давыдова носит инновационный характер и в плане используемой методологии анализа литературного творчества, и в плане удивительного синтеза научного характера исследования с эмоциональной яркостью языка. Предложенная автором методология предстает новаторской и эвристической. Мне, правда, показалось, что она более ориентирована на литературу XIX в. (первая часть монографии). Но, может быть, дело в особенностях культур – «Золотого века» и современной, «застрявшей» в иных, трансформированных нашим временем культурных смыслах, – в отличии связанных с ними социальных контекстов, которые, как известно, всегда расставляют свои акценты в творчестве. Но бесспорно, что исследование А.П. Давыдова – это веха на пути сегодняшней культуры к преодолению ею раскола между свободой и несвободой в любом виде творчества. Оно убедительно показывает и свидетельствует, как ангажированность писателя, художника, философа идеей личности может стать значимым фактором не только духовно-культурной, но и социально-политической жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Давыдов А.П.* Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999; *Давыдов А.П.* Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX – XX – XXI вв. – М.; Алматы, 2006; *Давыдов А.П.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. – М., 2008.

[2] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. – М., 2012. С. 13.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 12.

[5] Замечу, эта особенность подхода обратила на себя внимание еще в первой книге автора «Духовной жаждою томим». Собственно, все последующие его работы, включая рецензируемую, есть не что иное, как дальнейшая разработка и реализация этого подхода на новом «культурном материале», яркая демонстрация эвристических возможностей соотносящихся с ним принципов анализа.

[6] Назову лишь некоторые работы того времени этих авторов: *Батищев Г.С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблемы человека в современной философии. – М., 1969; *Давыдов Ю.Н.* Труд и свобода. – М., 1962; *Злобин Н.С.* Культура и общественный прогресс. – М., 1980; *Маркарян Э.С.* Исходные посылки культуры как специфического способа человеческой деятельности //

Философские проблемы культуры. – Тбилиси, 1980; *Межуев В.М.* О понятии «культура». – М., 1978.

[7] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 18.

[8] Там же. С. 12.

[9] Там же. С. 15.

[10] *Давыдов А.П.* Духовной жаждою томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. С. 13.

[11] См.: *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 39 – 51, 51 – 65, 65 – 77, 77 – 146.

[12] Там же. С.110.

[13] «Социальная патология, когда ты понимаешь, что жить так, как живешь, нельзя, а так, как надо – не способен. Это когда ты понимаешь, что надо меняться, чтобы выжить в меняющихся условиях, и одновременно понимаешь, что никогда не изменишься, потому что измениться значит изменить себе, сложившемуся, традиционному, привычному, а это невозможно. Социальная патология – это когда жить невозможно, потому что понимаешь, что это не жизнь, а умирание, и остается одно – оправдывать свою немочь и гнать тех, кто называет вещи своими именами» (*Давыдов А.П.* Поверить Лермонтову. – М., 2006. С. 6).

[14] *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. С. 177.

[15] Там же. С. 185.

[16] См.: *Сиземская И.Н.* Рец. на книгу А.П. Давыдова «Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. XIX – XX – XXI вв» // Вопросы философии. 2006. № 9.